

Т.И. Шакирова^{1*}, Б.М. Тлеубердиев²

^{1,2}Южно-Казахстанский университет им.М.О.Ауэзова, Шымкент, Казахстан

E-mail: ¹toka-kz1969@mail.ru, ²tileuberdiev_bolatbek@mail.ru

¹ORCID:0009-0007-4495-5617, ²ORCID:0000-0002-6285-5579

ТЕКСТОВАЯ СЕМАНТИКА АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В КАЗАХСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «КОБЛАНДЫ БАТЫР»

Аннотация. Исследование текстовой семантики антропонимических концептов в казахском героическом эпосе «Кобланды батыр» представляет собой анализ функционирования имен собственных как ключевых элементов эпического дискурса. Антропонимы в эпосе не только идентифицируют персонажей, но и несут в себе многослойную семантическую и культурную нагрузку. Они отражают мировоззренческие установки, этническую идентичность и мифологические представления казахского народа. В работе рассматриваются основные антропонимические концепты, репрезентированные в тексте эпоса, их семантические поля и взаимосвязь с символикой героического повествования. Исследование основано на принципах когнитивной ономастики и текстового анализа, позволяющих выявить скрытые смыслы и интерпретационные возможности имен собственных. Особое внимание уделяется роли антропонимов в структурировании эпического нарратива и их связи с архетипическими образами. Анализ показывает, что в «Кобланды батыр» антропонимы формируются по определенным закономерностям: они связаны с природными явлениями, тотемными животными, социальным статусом и воинской доблестью героев. Кроме того, многие имена несут в себе символическую функцию, кодируя информацию о судьбе персонажа, его происхождении и предназначении. Полученные результаты способствуют углубленному пониманию текстовой семантики антропонимов в тюркском эпосе и расширяют представления о механизмах формирования этнокультурной памяти. Данное исследование имеет значение не только для ономастики и фольклористики, но и для общей теории текста и культурологии, поскольку демонстрирует, как собственные имена становятся носителями традиционных знаний и мировоззренческих концептов в казахском героическом эпосе.

Ключевые слова: антропонимы, антропонимический концепт, казахский героический эпос, антропоним Кобланды, концептуальный анализ, код культуры

Т.И. Шакирова^{1*}, Б.М. Тлеубердиев²

^{1,2}М.О.Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан университеті, Шымкент, Қазақстан

E-mail: ¹toka-kz1969@mail.ru, ²tileuberdiev_bolatbek@mail.ru

¹ORCID:0009-0007-4495-5617, ²ORCID:0000-0002-6285-5579

«ҚОБЫЛАНДЫ БАТЫР» ҚАЗАҚТЫҢ ҚАҒАРМАНДЫҚ ЭПОСЫНДАҒЫ АНТРОПОНИМДІК КОНЦЕПТІЛЕРДІҢ МӘТІНДІК СЕМАНТИКАСЫ

Аннотация. Қазақтың қаһармандық эпосы «Қобыланды батырдағы» антропонимдік концептілердің мәтіндік семантикасын зерттеу эпикалық дискурстың негізгі элементтері ретінде жалқы есімдердің қызмет етуін талдауға бағытталған. Эпостағы антропонимдер тек кейіпкерлерді анықтап қана қоймай, сонымен қатар көпқабатты семантикалық және мәдени жүктемеге ие. Олар қазақ халқының дүниетанымын, этникалық өзіндік ерекшелігін және мифологиялық түсініктерін бейнелейді. Бұл жұмыста эпос мәтінінде көрініс тапқан негізгі антропонимдік концептілер, олардың семантикалық

өрістері және қаһармандық баяндаудың символикасымен өзара байланысы қарастырылады. Зерттеу когнитивтік ономастика мен мәтіндік талдау қағидаларына негізделген, бұл жалқы есімдердің жасырын мағыналары мен интерпретациялық мүмкіндіктерін анықтауға мүмкіндік береді. Айрықша назар антропонимдердің эпикалық баяндау құрылымын қалыптастырудағы рөліне және олардың архетиптік бейнелермен байланысына аударылады. Талдау нәтижелері «Қобыланды батыр» эпосында антропонимдердің белгілі бір заңдылықтар бойынша қалыптасатынын көрсетеді: олар табиғат құбылыстарымен, тотемдік жануарлармен, әлеуметтік мәртебемен және батырлардың жауынгерлік ерлігімен тығыз байланысты. Сонымен қатар, көптеген есімдер символдық қызмет атқарып, кейіпкердің тағдыры, шығу тегі және өмірлік миссиясы туралы ақпаратты кодтайды. Алынған нәтижелер түркі эпосындағы антропонимдердің мәтіндік семантикасын тереңірек түсінуге ықпал етеді және этномәдени жады қалыптасуының механизмдері туралы түсініктерді кеңейтеді. Бұл зерттеу ономастика мен фольклортанумен қатар, мәтін теориясы мен мәдениеттану үшін де маңызды, өйткені ол жалқы есімдердің қазақтың қаһармандық эпосында дәстүрлі білімдер мен дүниетанымдық концептілерді қалай жеткізетінін көрсетеді.

Кілт сөздер: антропонимдер, антропонимдік концепт, қазақтың қаһармандық эпосы, Қобыланды антропонимі, концептуалдық талдау, мәдени код

T.I. Shakirova^{1*}, B.M. Tleuberdiev²

^{1,2}M.O. Auezov South Kazakhstan University, Shymkent, Kazakhstan

E-mail: ¹Itoka-kz1969@mail.ru, ²tleuberdiev_bolatbek@mail.ru

¹ORCID:0009-0007-4495-5617, ²ORCID:0000-0002-6285-5579

TEXTUAL SEMANTICS OF ANTHROPONYMIC CONCEPTS IN THE KAZAKH HEROIC EPIC “KOB LANDY BATYR”

Abstract. The study of the textual semantics of anthroponymic concepts in the Kazakh heroic epic “Koblandy Batyr” is an analysis of the functioning of proper names as key elements of the epic discourse. Anthroponyms in the epic not only identify characters, but also carry a multilayered semantic and cultural load. They reflect the world outlook, ethnic identity and mythological ideas of the Kazakh people. The paper considers the main anthroponymic concepts represented in the text of the epic, their semantic fields and the relationship with the symbolism of the heroic narrative. The study is based on the principles of cognitive onomastics and textual analysis, which allow us to reveal the hidden meanings and interpretative possibilities of proper names. Special attention is paid to the role of anthroponyms in structuring the epic narrative and their connection with archetypal images. The analysis shows that in “Koblandy Batyr” anthroponyms are formed according to certain patterns: they are associated with natural phenomena, totem animals, social status and military valour of heroes. In addition, many names have a symbolic function, encoding information about the character’s fate, origin and purpose. The results obtained contribute to an in-depth understanding of the textual semantics of anthroponyms in Turkic epics and expand the understanding of the mechanisms of ethno-cultural memory formation. This study is of significance not only for onomastics and folkloristics, but also for general text theory and cultural studies, as it demonstrates how proper names become carriers of traditional knowledge and worldview concepts in Kazakh heroic epic.

Keywords: anthroponyms, anthroponymic concept, Kazakh heroic epos, anthroponym Koblandy, conceptual analysis, culture code

1. Введение

Как известно, имена собственные (ИС) являются особой частью языковых, занимают особое место в структуре разных видов текста – художественного, публицистического и научного. Рассмотрение имен собственных в тексте осуществляется на стыке ряда научных дисциплин: ономастики, лингвистики текста, литературоведения, стилистики, семиотики и лингвокультурологии.

Этим и объясняется многообразие подходов, методологий и методов изучения ономастического материала в текстовом пространстве. Сегодня особенно заметен научный интерес ученых к функционированию имен собственных в тексте, что привело к формированию целого направления – литературной ономастики (Фонякова, 1990), которая занимается изучением особенностей употребления ономастической лексики в художественной литературе.

Одним из значимых элементов культурного богатства любого народа является героический эпос, отражающий его историческую память, мировоззрение и систему ценностей. В казахском героическом эпосе, как и в других тюркских эпических традициях, антропонимы играют ключевую роль в формировании сюжетной структуры, передаче культурных кодов и идентификации персонажей. Имена героев, их предков, а также второстепенных персонажей несут в себе глубокую семантическую нагрузку, связанную с мифологическими, социальными и историческими контекстами. Это подчеркивает актуальность исследования антропонимов в казахском героическом эпосе, которую можно объяснить следующими факторами: 1) антропонимы являются важным источником информации о культурных и языковых особенностях тюркских народов; 2) в условиях глобализации и утраты традиционных культурных ценностей изучение эпических текстов позволяет сохранить и актуализировать культурное наследие. Важно также отметить, что методы лингвистического и текстового анализа, используемые современными учеными, дают новые возможности для толкования антропонимов, способствуя более глубокому пониманию их роли в эпической традиции.

Цель данного исследования заключается в проведении текстового анализа антропонимов в казахском героическом эпосе посредством обнаружения их семантических, культурных и функциональных особенностей. Это обусловило постановку конкретных задач, связанных с: 1) проведением обзора существующих исследований антропонимов в тюркском героическом эпосе; 2) выявлением семантических характеристик антропонима Кобланды и 3) определением связи функции антропонима Кобланды в структуре эпического текста.

2. Материал и методы исследования

2.1. Материалы исследования

Источниками для исследования стали тексты казахского героического эпоса «Кобланды батыр» (Кобланды, 1975), в которых было выявлено 70 антропонимов. Надо отметить, что, как и в любом устном героическом эпосе, здесь не существует строго фиксированного числа имен. Было рассмотрено несколько вариантов эпоса «Кобланды батыр» (по одной из версий существует около 30 зафиксированных вариантов) и, как выяснилось исследователями, количество значимых антропонимов, включая имена коней, мифологических существ и основных персонажей, меняется от 40 до восьмидесяти единиц в зависимости от детализации сюжета и редакционных особенностей.

2.2. Методы исследования

Основным исследовательским инструментарием выступает лингвокультурологический и лингвокогнитивный анализ концептов, реализуемый через комплекс

взаимодополняющих методик, включающих семантический анализ, направленный на изучение значений и коннотаций антропонимов, текстовый анализ, который позволил определить роль антропонимов в структуре эпического повествования. Лингвокультурологический подход, несомненно, эффективен для интерпретации антропонимов в контексте мифологических и исторических реалий. Концептуальные характеристики, формирующие базовую структуру концепта, выделялись путем интерпретативного анализа современных речевых значений, отраженных в использовании конкретных лексем-репрезентантов, изучения их связей в парадигматическом и синтагматическом аспектах. Лингвокогнитивный объем текстовой семантики эпических антропонимических концептов формируется из разных лексико-стилистических средств, к тому же имеющих хронологическую (диахронную) характеристику. Методологический аппарат исследования дополнен дискурсивным подходом к анализу языковых феноменов. В работе также использованы сравнительно-исторический анализ для выявления общих и уникальных черт антропонимов в казахском эпосе по сравнению с другими тюркскими традициями.

3. Обсуждение

Исследование антропонимов в эпическом тексте имеет богатую историю исследований как в лингвистике, так и в фольклористике. Имена собственные в эпосе представляют собой особую область лингвистического и литературного анализа, объясняющую глубокие культурные, исторические и тематические аспекты этих монументальных произведений. Имена собственные, включая личные имена, топонимы и другие уникальные обозначения, играют важную роль в построении нарративного пространства, создании идентичности персонажей и достижение сложных связей между текстом и его социально-историческим контекстом. Междисциплинарный характер ономастики как науки, изучающей имена собственные, проявляется в рамках таких дисциплинах, как история, география, этнография и литературоведение, позволяя обнаружить многослойное значение, скрытое за этими, на первый взгляд, простыми обозначениями (Юнусова, 2021: 3009).

В своей работе «The Hero Pattern and the Life of Jesus» А.Дандес (A.Dundes) рассматривает антропонимы в контексте архетипических моделей героического эпоса. Ученый акцентирует внимание на мысли о том, что отдельные имена и их связь с повторяющимися мотивами могут отражать культурные представления о героизме и идентичности. Это свидетельствует о том, что выбор имени может быть неслучайным и в нем заложена культурно значимая информация (Дандес, 1997). Исследование Джон Майлз Фоли (J.M. Foley) «Oral Tradition and the Internet» посвящено изучению антропонимов как элементов устной поэтики, выделяя их устойчивость в различных культурных контекстах. Проведенная ученым параллель между древними устными традициями и современным интернетом, показала, что и в том, и в другом случае имена могут быть представлены как своего рода «ключи» к культурным знаниям и смыслам, передаваемым через поколения (Фоули, 2012). В исследовании А.Т.Хатто (A.T.Hatto) «The Manas of Kirghiz» осуществлен анализ мифологических персонажей, показавший, что имена в эпических произведениях могут служить не только для идентификации героев, но и для того, чтобы зафиксировать в памяти слушателей важные исторические и культурные связи (Хатто, 1990).

Научные результаты в области изучения имен собственных в тексте связаны с разработкой теории литературной ономастики, типологии функций онимов, концепции прецедентных имен, понятий ономастического поля и пространства, когнитивными и межкультурными исследованиями ономастической лексики. Основные функции имен собственных в эпических текстах связаны с целым рядом шагов: от простого обозначения персонажей и мест до более сложных задач, связанных с выражением культурных ценностей, исторических аллюзий и символических значений. Сам процесс именования представляет собой значимую социальную практику, глубоко укорененную в культурной истории, социальном контексте и индивидуальном опыте. Так, исследования в области тюркской ономастики (Благова, 1997, Кондыбай, 2005, Коныратбай, 2023, Ыбыраев, 1993) показывают, что антропонимы в тюркских языках, формирующиеся на основе апеллятивной лексики, связаны с природными явлениями, животными, или социальными ролями. Несомненно, это позволяет рассматривать имена собственные как отражение культурных и социальных ценностей, которые передаются через поколения. Кроме того, антропонимы в эпосе могут быть связаны с культом предков и мифологическими представлениями о судьбе и роде. Например, в якутской антропонимике, как показано в работах Е. Николаева (Николаев, 2018), имена часто отражают не только индивидуальные характеристики, но и связь с родовой памятью и культурными традициями.

В работах В.М.Жирмунского показана связь антропонимов с мифологическими и историческими персонажами, что делает их важным источником для реконструкции древних верований (Жирмунский, 1974). И.В. Стеблева в работе «Поэтика тюркского героического эпоса» рассматривает антропонимы как часть эпической формулы, подчеркивая их устойчивость и повторяемость в различных текстах (Стеблева, 1995). Все исследования на заданную тему позволяют сделать вывод о многоаспектности и междисциплинарном характере данной области исследований. Современное состояние науки характеризуется сосуществованием и взаимодействием различных методологических подходов: структурно-семантического, функционального, когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического, семиотического, каждый из которых вносит свой вклад в понимание специфики функционирования ономастической лексики.

Имена героев отражали внешний мир, но в то же время содержали в себе понимание и символику, передавая определенные ценности и мировоззрение общества. Древние имена служили не только для идентификации, но и для обозначения роли и смысла существования героя в патриархальном обществе. Древние антропонимы представляли собой не просто звуковые обозначения, но и символы, содержащие в себе глубокий смысл и обогащенные множеством коннотаций. Это был своего рода способ передачи и сохранения знаний, отражая культурные, религиозные и социальные аспекты общества. В целом, мотивированность имен персонажей эпосов является важным аспектом культурного наследия, отражающим взаимосвязь человека с окружающим и внутренним миром. В разных культурах и народах имена могут иметь разные значения, символизировать определенные черты личности или происхождение, отражать место в обществе или внутрисемейные связи. Существуют

общепринятые традиции в именовании, связанные с национальными, религиозными или историческими аспектами.

Одной из актуальных проблем в изучении имен собственных в тексте является необходимость интеграции различных методологических подходов. Традиционные структурно-семантический и функциональный подходы часто не учитывают когнитивные, прагматические и культурологические аспекты функционирования онимов, а когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический подходы иногда недостаточно внимания уделяют формальным и структурным характеристикам ономастической лексики. В этом плане наиболее продуктивным представляется подход, рассматривающий имена собственные как концепты, поскольку такой метод позволяет выявить не только их номинативную, но и когнитивную, символическую и дискурсивную функции. Антропонимический концепт представляет собой когнитивную единицу, формируемую на основе антропонимов, используемых в языке и тексте. Согласно современным исследованиям, антропонимический концепт, как ключевая единица ономастического знания, представляет собой ментальную структуру, которая формируется на основе семантики имени собственного и отражает культурные, исторические и социальные аспекты, связанные с именованием человека. В рамках когнитивной лингвистики антропонимический концепт рассматривается как особый тип знания, который не только фиксирует информацию о носителе имени, но и встраивается в концептуальную систему языка, становясь частью языковой картины мира (Щербак, 2009). Концептуальный анализ предполагает изучение имен собственных как репрезентантов определенных концептов в национальной концептосфере. Данный метод позволяет выявить концептуальное содержание онимов, их роль в формировании языковой картины мира (Щербак, 2014). Все это говорит о том, что антропонимические концепты являются важным инструментом для изучения культурных и социальных особенностей этноса, поскольку они отражают не только индивидуальные характеристики носителя имени, но и общие представления о мире, свойственные данной культуре.

Н.Ф.Алиференко отмечает, что концепт обладает двойственной природой, которая, с одной стороны, обусловлена диахроничностью и поэтому представляет собой в некотором роде, вертикаль смысла, с другой стороны, она обусловлена синхронно-множеством одновременных репрезентаций в разных синтагматических контекстах, реализующих в речи «горизонталь смысла» (Алефиренко, 2002: 90). Лингвокогнитивный объем текстовой семантики эпических антропонимических концептов многослоен и «диахроничен» и даже сам характер и своеобразная тематика традиционных эпических сравнений и метафор может служить индикатором или определителем диахронической глубины эпической традиции, проявляемой также посредством эпитетов, сравнений и метафор эпоса.

Антропонимический концепт в литературе подразумевает анализ имени персонажа произведения с точки зрения его символики, смысла, значения для сюжета и образов. О.И.Фонякова выделяет три ступени семантической конденсации имен собственных в художественном тексте, которые соответствуют их эстетическому преобразованию: индивидуализацию, типизацию и символизацию семантики имен

собственных, возникающих благодаря соотношению таких эстетических категорий, как художественное имя и характер, имя и событие, имя и социальный тип, имя и время: контекст эпохи, исторического периода, отображенного в произведении, и т.д. (Фонякова, 1990: 32).

Таким образом, анализ антропонимических концептов в казахском эпосе требует комплексного подхода, сочетающего лингвокультурологические, когнитивные и текстовые методы исследования. Современные работы подтверждают, что героический эпос является не только историческим и культурным источником, но и важным средством сохранения этнической идентичности и традиционных представлений о мире (Анчек, 2023; Ананьина, 2024 и др.).

Существует синхронно-текстовая семантика эпического антропонимического концепта, которая формируется в процессе эпического повествования в сознании читателя, воспринимающего тот или иной текст эпоса. Вследствие этого смысловой, понятийный объем представлений, воззрений, знаний, связанных с тем или иным антропонимическим концептом, возникающих синхронно с восприятием текста, можно назвать текстовой (синхронной) или синхронно-текстовой семантикой (семантическим объемом) эпического антропонимического концепта. Синхронное формирование и одновременно реализация (презентация) лингвокогнитивных смыслов, представлений и понятий, связанных с тем или иным антропонимическим концептом, и входящих в их комплексную семантику, проходит на основе взаимодействия целой системы художественно-изобразительных средств эпического текста, группирующихся вокруг того или иного антропонимического образа. Антропонимический образ «привязан» к соответствующему антропониму, который является его индексом. Фольклорное эпическое имя – есть своеобразная эстетическая и в то же время лингвокогнитивная категория, играющая важную роль как в построении художественного эпического образа, так и в формировании и репрезентации семантического объема эпического антропонимического концепта. А общим свойством семантики имени собственного является сугестивность, т.е. накопление разного рода коннотаций и семантических компонентов, которые исходят и зависят от многих собственно лингвистических и экстралингвистических факторов. О.И.Фонякова подчеркивает, что «формирование индивидуально-художественного значения происходит на основе семантического взаимодействия со всеми тремя уровнями семантической композиции – в их синтагматических и парадигматических связях и отношениях» (Фонякова, 1990: 32-33).

4. Результаты исследования

Итак, продуктивным направлением исследований имен собственных является разработка комплексной методологии изучения имен собственных, интегрирующей достижения различных научных подходов и позволяющей рассматривать онимы как многоаспектные языковые и речевые единицы (Щербак, 2008). Для подтверждения вышесказанного рассмотрим и проанализируем некоторые наиболее яркие примеры, содержащие микроконтексты, в которых наиболее ярко проявляется мифологическая, историческая, культурная составляющая антропонима в казахском героическом эпосе. Рассмотрим антропонимический концепт на примере эпоса «Кобланды батыр» (Кобланды батыр, 1975).

В казахском героическом эпосе «Кобланды батыр» как и в других героических эпосах фабула, все сюжетные линии, система образов сконцентрированы вокруг имени и образа главного эпического героя. В фольклорном художественном тексте, который является функционально замкнутой системой эстетически организованных лексико-стилистических средств, имя собственное – эпический антропоним обрastaет в нем множеством смысловых связей, сложных ассоциаций и коннотаций, которые образуют художественно-индивидуальную и лингвокогнитивную семантику. Системные связи эпического антропонима с парадигматическим и синтагматическим контекстом произведения позволяют накапливать, формировать и конденсировать лингвокогнитивный объем текстовой (синхронной) семантики эпического антропонимического концепта.

В героических эпосах, таких как казахский эпос «Кобланды батыр», антропонимические концепты играют особую роль, так как они не только идентифицируют персонажей, но и передают их социальный статус, моральные качества, а также связь с мифологическими и культурными традициями. Имена героев в эпосе часто имеют глубокую символическую нагрузку, отражая их роль в повествовании и их связь с космологическими и мифологическими представлениями.

В рассматриваемом произведении эпический антропоним Кобланды обладает важными текстообразующими, образообразующими и лингвокогнитивными функциями. Например, имя главного героя «Кобланды» может быть связано с концептами силы, мужества и лидерства, которые являются ключевыми для понимания его роли в эпосе. Частотность онимоупотребления эпического антропонима превышает во много раз – и это не случайность. Многократное повторение эпического антропонима Кобланды обусловлено важной ролью образа эпического главного героя в раскрытии ведущей темы, идеи и лингвокогнитивного объема данного эпического произведения. Как важное лексико-стилистическое и лингвокогнитивное средство имя вступает в парадигматические и синтагматические связи и отношения с другими художественно-изобразительными и лингвокогнитивными единицами текста, образуя художественное и лингвоментальное поле эпического текста.

Синтагматические связи эпического антропонима Қобыланды, располагающиеся в так называемой «горизонтالي смысла», функционально значимы, так как играют немаловажную роль в построении художественного образа эпического батыра и в формировании текстового (синхронного) объема данного эпического антропонимического концепта.

Эпос «Кобланды батыр» начинается в таком текстовом синтагматическом употреблении эпического антропонима Қобыланды:

Кешегі өткен заманда
Қарақыпшақ Қобыланды
Атасы мұның Токтарбай
Халыктан асқан бай болды
(Қобыланды батыр, 123)

В давно минувшие времена
Жил каракипчак Кобланды,
Отец его Токтарбай
Был в народе знатный бай
(Кобланды батыр, 223)

Синтагматическое употребление или связь этнонима карақыпшақ (каракипчак – наименование рода), который выступает в роли определения эпического антропонима Қобыланды, указывает на этническую идентичность эпического батыра. Для этнического и эпического сознания определение этнической принадлежности (идентификации) было чрезвычайно важно, потому что сразу определяющего место индивида в системе этнотерриториального и этноментального пространств и времени. Видимо поэтому употребление или упоминание названия рода (племени) в сочетании с личным именем являлось характерным признаком традиционной антропонимической формулы «род + личное имя», принятой в патриархально-родовом казахском(тюркском) обществе: Қаракерей Қабанбай, Қанжығалы Бөгенбай, Үйсін Төле би и т.д.

В одном синтагматическом ряду с эпическим антропонимом Қобланды оказывается целый ряд экспрессивно-стилистических единиц, характеризующих героя: арыстан туған Қобылан, батыр Қобылан, Қобыланды батыр, Қобыланды деген ері бар; Білемін Қобылан, данасың, Қобыландыбай бөрінін; ол уақытта бенде жоқ / Қобыландыдай сымбатты; Артық туған Қобланды; Бұлаңдап келіп жанасып /Енді Қобылан султанға /Сұлу Құртқа сөйледі Батыр туған, Қобылан нар; Қайсар Қобылан жеріміз Қайырлы туған Қобылан; Қайсар, Қобылан, сұлтаным; мойнын бұрды Қобылан нар; Қобыландыдай асылға и т.д.

«Постоянные тропы, применяемые к богатырю, традиционны для героического эпоса большинства тюркских народов. Среди них особую группу составляют древние образы, употребляющие богатыря сильным хищным животным и птицам. Кобланды - лев, родившейся львом, тигр, волк, сивогривый (от древнего сравнения богатыря с волком), сокол. Отсюда - антитеза, выражающая исключительность богатыря: «Ты – сокол, мы – вороны». В том же ряду образы, в которых отразился мир представлений скотовода-кочевника. Богатырь неоднократно называется могучим наром (сильным верблюдом – самцом); вожаком отары – выносливым и смелым кошкарком с изогнутыми, как месяц рогами; истосковавшимся наром (в словах шены). Аналогичная образность и в традиционных обращениях – ласковых по отношению к юному богатырю: ягненок, верблюжонок, жеребенок, упитанный ягненок, скакун вырвавшийся вперед (в устах матери, отца и сестры)

Традиционные для лингвопоэтической системы тюркского героического эпоса эпитеты, сравнения, метафоры, соотносимые с зооморфным миром, можно рассматривать не только как дань эпической поэтике, но и лингвокогнитивные средства, формирующие этноментальный когнитивный объем текстовой семантики эпических антропонимических концептов.

Так, например, в эпосе «Кобланды батыр» эпический герой сравнивается, отождествляется со львом «арыстан» или «Шер».

Арыстан туған Қобыланды
Көп әскерге келді кез
Арыстан туған Қобланды
Көп әскері келгенде
Қырық мың атты қызылбас
Қолына жасыл ту алып,
Арыстан туған Қобыланды
Ақ білегін сыбанып,

Көңілі тасып келеді
Жауды Көріп, қуанып
(Қобыланды батыр, 115)

Көңілде жоқ кіріміз,
Қылсылған жерде дем берсін,
Жылқышы Қамбар піріміз,
Көңіліне алса қоймасын
Қайсар Қобылан шеріміз
(Қобыланды батыр, 144).

Қобланды, родившийся львом,
Встретил многочисленные войска.
Когда родившийся львом Кобланды
К войску многочисленному подошел,
Сорок тысяч конных Козыбашей
Под зеленым стягом (увидал).
Кобланды, родившийся львом,
Засучил рукава, белые руки (обнажив),

Довольный едет он,
Радуюсь, что увидел врага
(Кобыланды батыр, 275)

Если будет трудно, поможет мне
Покровитель коней – Камбар.
Что задумал, не отступишься от того,
Упрямый наш, лев Коблан
(Кобыланды батыр, 274)

Употребление эпитетов «арыстан» и «Шер» в приведенных выше отрывках из эпоса «Кобланды батыр», логично считать одним из многочисленных примеров использования так называемых «традиционных» «постоянных» эпитетов и сравнений, принятых согласно изобразительных средств эпоса. Лингвопоэтические и семантические параллели из мира животных обычно объясняются фольклористами-учеными влиянием кочевого скотоводческого типа хозяйствования, которым пронизаны образ жизни, обычаи и традиции, лексический состав языка казахского этнос. Как отмечает В.М.Жирмунский, «...Мужество, отвага, физическая сила идеального богатыря отражены в эпосе тюркоязычных народов Средней Азии в целом ряде традиционных сравнений героя с хищными животными, обладающими в народном представлении высшей степенью этих боевых качеств. Возможно, что в более далеком прошлом, в процессе выработки поэтического языка, известную роль при возникновении подобных сравнений сыграли и древние тотемистические представления о физическом родстве того или иного племени с звериным родоначальником. Сказатели называют Манаса «арыстан» (лев), «жолбарс» (тигр), «кобылан» (леопард), «сырттан» (гиена, что в фольклоре нередко означает «сказочный свирепый пес»). Название героя из сравнения часто превращается в прозвище, вытесняющее его собственное имя. Те же сравнения употребляются и для прочих витязей Манаса; они широко распространены и в эпосе казахском и узбекском и тем самым могут быть отнесены к наиболее древнему слою эпической традиции тюркских народов» (Жирмунский, 1974: 54). Соотношение образа эпического богатыря с образами животных и птиц, реализованных в художественно-

изобразительной системе эпоса посредством тропов, эпитетов, сравнений, метафор, исследователи Н.В.Кидайш-Покровская и О.А.Нурмагамбетова видят в «эпических канонах» традиционной поэтики эпических произведений (Кидайш-Покровская, Нурмагамбетова, 1975: 57). Об этом писал и В.М.Жирмунский: «Этноментальные, этнографические основания и детерминанты формирования «тотемистических» сравнений и эпитетов, указывают на древность их возникновения и широкое распространение в эпической традиции многих тюркских народов (Жирмунский 1974: 54).

Логично принять во внимание лингвокогнитивную природу изобразительных средств, которая имеет определенную диахроническую глубину и мировоззренческо-культурные обоснования. В этой связи текстово-синхронная семантика синтагматического употребления традиционных эпитетов и сравнений оказывается также диахронной, т.е. приобретает конкретно-исторический характер (историко-хронологическую протяженность) и интерпретируется как процесс. Эта мысль подтверждает положение о том, что и «... к феномену языковой концептуализации нужно подходить как к процессу; языковая картина мира – это динамика; какие-то ее фрагменты складываются с течением времени, а какие-то, напротив, затемняются. Апелляция же «внутрь», как правило, означает исследование «вглубь» (времени), апелляцию к прошлому языка и языкового мышления» (Яковлева, 1998: 46).

Историко-лингвистические данные свидетельствуют, что «постоянные» или «традиционные» эпитеты тюркского эпоса «арыстан» и «Шер» (шир – в перс. яз.) имели в историческом прошлом определенную этнокультурную семантику и мировоззренческую установку. Так, по свидетельству Ю.А.Зуева, руны, передающие шир «встречаются в строке 21 надписи Улан-Батора в Монголии. Здесь говорится об окончании трехлетней тюрко- карлукской войны (709-711г.), в результате которой тюркам, среди других, подчинился Шигян-Иркин, сын Шир-Иррина. Вероятно, Шир-Иркин был известен под чисто тюркским именем Арслан-Иркин» (Зуев, 1995: 215).

Антропонимический компонент «арыстан» в форме «арслан» был довольно широко распространен в древне- и средневековом тюркском мире. Ученые, исследовавшие древнетюркские антропонимические системы указывают, что в Турарском княжестве «арслан» осознавалось как родовое имя туранской династии «было излюбленным компонентом в именах представителей знати, а в Караханидском государстве кроме династийного имени Буграхан и Арслан хан имелись соответствующие титулы и ранги более низшего ранга, которые также распределялись на две группы: бугра-илик, арслан-илик, бугра-тегин, арслан-тегин и др. (Махпиров, 1997: 150-160). Как утверждает С. Кондыбай, «арыстан – лев, вероятно, – солярное божество, предводитель воинской дружины в древней мифопоэтике» (Кондыбай 2005: 82).

Все эти и другие историко-семантические параллели эпического эпитета арыстан (шир), уводящие в глубь веков, могут предположительно информировать о том, что в историческом прошлом в этноментальном (эпическом) сознание создателей и «пользователей» текстов тюркского (казахского) героического эпоса нацелено на то, чтобы вызывать глубинные лингвокогнитивные ассоциации и представления, нежели простое сопоставление по качеству характера – «смелый и могучий как лев».

Названные выше ассоциации и представления могут редуцироваться и постепенно забыться в этноментальном сознании последующих поколений, в среде которых бытовали тексты героического эпоса, и превращаться в «традиционные, постоянные» эпитеты, характеризующие героический облик эпического батыра.

Следует заметить, что в этноментальном сознании казахов сохранился еще один образ, связанный со львом (арыстан) – Алпаның сері (шері) – Арыстан, связываемый с именем исторической личности, затем пророка Мухамеда (салляллаху ас саллям), мужа Фатимы, дочери пророка, известно также под именем Азрет Али (Хазрет Али).

Одним из распространенных и устойчивых эпитетов-сравнений, характеризующих антропонимический образ жизни батыров, является эпитет «бөрі», «қасқыр». Так, в образе и поступках эпического героя просматривается «природа волка» – «бөрі заты». Если лингвокогнитивный объем семантики эпического антропонимического концепта в антропониме Байбөрі маркирует антропонимический лексический компонент бөрі, то в других антропонимических эпических концептах этноментальный слой концепта, связанный с «бөрі» («қасқыр»), формируется в текстовой семантике концепта на основе употребления устойчивых сравнений и эпитетов, имеющих прямое или опосредственное отношение к волку.

Так, бой или битва Кобыланды с «неверными» сравнивается с нападением волка на овец:

Самсап тұрған кәпірге
Қобыланды батыр жол салды.
Жалғыз өзі батырың,
Жойып кетіп барады,
Қойға тиген қасқырдай
Сатып кетіп барады
(Қобыланды батыр, 123)

На неверных, стоявших толпой,
Вышел богатырь Кобыланды.
Один-одиошенек богатырь
Скачет, истребляет врагов,
Словно волк, напавший на овец,
Рубит он (их) на скаку
(Кобыланды батыр, 283).

В антропонимическом концепте «Байбөрі» лексический компонент *бөрі* маркирует в имплицитной форме глубинную мифологическую семантику антропонима, связанную с понятиями и представлениями культа предводителя боевой дружины или бог войны и родоначальником племени. В данном же случае репрезентация лингвокогнитивного понятия «волк» – «бөрі» и связанных с ним представлений происходит на уровне эпитетов, метафор и устойчивых сравнений. Исходя из этого следует, что синтагматическое употребление лексико-стилистических (художественно-речевых) средств, связанных с образом волка, не является просто стилистическим приемом, фигурой поэтической эпической речи, но и тексто-речевой реализацией некоего «кванта знания», каким представляется концепт «волк» опосредственно связанный с концептом «батыр». Несомненно, многомерный и во многом тотемистический образ волка был достаточно широко распространен и известен еще с древнетюркских времен в этнической среде тюрков и монголов, а также в их богатом фольклорном фонде. Известный ученый-тюрколог Л.Н.Гумилев написал об этом следующее: «Вопрос о том, насколько правомерно называть ханов Ашина тотемистами, при современном состоянии наших знаний не может быть

разрешен, но ясно, что название «волк» имело для тюрок VI в. огромное значение. Китайские авторы считают понятия «тюркский хан» и «волк» синонимами, видимо опираясь на воззрения самих тюркских ханов. Не слушаю сяньбийская царевна говорит про своего мужа, хана Шаболию; «хан по его свойствам есть волк»; и в инструкции при нападении на тюрок сказано: «таковую должно употребить меру: гнать кочевых и нападать на волков». Золотая волчья голова красовалась на тюркских знаменах, и наконец, в двух легендах о происхождении тюрок первое место принадлежит прародительнице-волчице» (Гумилев, 1993: 23).

Этноментальные представления о волке, видимо, широко распространенные в тюрко-монгольской этнической среде, имеют самнотически значимые реализации не только в тюркском фольклоре, но и в поверьях, ритуалах, обычаях и образах многих кочевых этносов. Так, например, перед первым кормлением грудью младенцу дают чистую кипяченую воду, в которую опущены волосы волчьей шерсти. Таких примеров немало, и это является подтверждением тому, что многомерный и целостно значимый образ волка проникает в культуру тюркских этносов, и потому вполне правомерны и объяснима его реализация в системе художественно-изобразительных средств текстов казахского героического эпоса.

Вербализация и семантическая репрезентация концепта «волк» в казахских этнических текстах сопряжена с речевой реализацией эпических антропонимических концептов и вераблизована согласно канонам и традициям фольклорной поэтики и жанры героического эпоса. В рассматриваемом эпосе жена хана Алшагыра видит дурной сон, в котором иносказательно обозначены поражения и жертвы калмыцкого хана, связанных с набегом Кобыланды батыра. Сам же Кобыланды батыр предстает во сне в образе синего (сивого) волка «кок бері», который задирает тридцать овец в долине, и сорок овец в горах, шесть белых ягнят и лунорого синего кошмара и т.д.:

Бүгін мен бір тус көрдім,
Түсімде жаман іс көрдім,
Күн батыстан келді көк бері,
Ойда жатқан отыз кой
Отызын бірдей ол жеді
Қырда жатқан қырық қой
Қырын бірдей ол жеді
Жабағылы көк саулық,
Көтеріп тұрып ол жеді
Ай мүйізді көк қошқар,
Тамағынан оны алды.
Мойнын бұрап ол салды.
(Кобыланды батыр, 123)

Нынче ночью видел я сон,
Сон недобрый, зловещий он:
С запада шёл волк лютой, серый,
Тридцать овец, что спали в долине,
Всех до единой он сожрал.
Сорок овец, что спали на склоне,
Всех до последней он растерзал.
Белую овцу с ягнёнком
Поднял он и проглотил.
Синего барана с лунорогим
Схватил за горло и задушил.
(Кобыланды батыр, 167)

Расширение семантического лингвокогнитивного объема эпического антропонимического концепта происходит за счет синтагматической связи с другими лексико-семантическими (стилистическими) средствами, реализующими сходные смыслы и понятия. Так, например, в монологе-обращении жены-красавицы Куртки

к Кобланды подчеркивается исключительность эпического героя путем сравнения его с конем, особенно выделяющимся по своим характеристикам, в табуне лошадей:

Жылқы ішінде аласың,
Кылшық жүнді қарасың,

Ағаң, інің сенің жоқ;

Жеке тұрған дарасың.

(Қобыланды батыр, 114)

Среди коней – ты пегий,

С гривой, что черней тучи,

Нет у тебя ни старших, ни младших братьев

Одинокий стоишь, единственный!

(Қобыланды батыр, 256)

В приведенном отрывке эпического произведения сравнение с конем синтагматически не связано с антропонимом Кобланды, но парадигматически к нему относится и содержит семантические компоненты, информирующие об исключительности эпического героя, которые в конечном счете формируют лингвокогнитивный объем текстовой (синхронный) семантики данного эпического антропонимического концепта. Исключительность эпического батыра Кобланды передается развернутая метафорой, где образный и художественно-стилистический параллелизм строится на основе сравнения батыра с редкостным конем.

Исключительность эпического богатыря подчеркивается также мотивом героя-одиначки: «Нет у тебя ни старших, ни младших братьев. Одинокий стоишь, единственный!». Данный эпический мотив в изображении и описании героя является традиционным, так как в текстах эпоса и волшебных, богатырских сказок главный герой обычно является единственным сыном престарелых родителей. Истоки фольклорного мотива героя-одиначки кроются в мифологических архаических представлениях о герое.

Одним из составляющих текстовой семантики эпического антропонимического концепта является образное сравнение эпического батыра с соколом (сұңқар):

Сіздер сұңқар, біз қарға,
Сіз алыстан келгенде,
Қарғаның қанатын қатпайды,
Сұңқардың алдынан ұшады.

(Қобыланды батыр, 123)

Вы – кречеты, мы – вороны,
Когда вы с дальних стран явились,
Мы перед вами робко сторонимся,
Как перед соколами вороны!

(Қобыланды батыр, 201).

Такая антитеза (ты сокол – мы вороны) подчеркивает исключительность (избранность) батыра Кобланды. Образ сокола использован также при описании облика сына Кобланды Бокенбая:

Қабағы тастай шүйіліп
Ақ сұңқар құстай шүйіліп
Ойыны күшті арыстан –
Алты жасар Бокенбай

(Қобыланды батыр, 123)

Сурово нахмутив брови,
Как белый сокол устремился вперед,
Играет силой своей лев –
Шестилетний Букенбай

(Қобыланды батыр, 201).

Слово сұңқар (ақ сұңқар) выступает в эпическом тексте как эстетическая категория, как один из стилистических приемов, рисующих образ эпического героя

и вместе с тем является лингвокогнитивным средством, формирующим текстовый семантический объем эпического антропонимического концепта. Об этом пишет А.Т.Бактыбаева в своем диссертационном исследовании, посвященном выявлению и описанию признаков сходства и различия символической семантики понятий «сокол-сункар» в фольклоре казахского и русского народов: «Традиционно для героического эпоса обоих народов употребление тропов. Среди них особую группу составляют древние сравнения, употребляющие батыра хищным птицам. Соотнесенность героических персонажей эпоса с соколом сближает русские и казахские фольклорные традиции. В истоке соотнесенности образов людей с птицами лежит психологический параллелизм, в данном случае поведенческий репертуар сокола (Бактыбаева 1998: 16).

Лингвокогнитивный текстово-синхронный объем эпических антропонимических концептов складывается, формируется и наполняется на основе употребления и функционирования в тексте образных сравнений, эпитетов, метафор, часто содержащихся в речи эпических персонажей, обращающихся к эпическому батыру. Так, к Кобланды, отправляющемуся на трудную и жестокую битву с врагом, обращается его жена – красавица Куртка:

Енді Қобылан сұлтанға
Сұлу Құртқа сөйлейді
«Иреуі жоқ күмісім
Жасаған қосқан белесім,
Ойын менен күлісім.
Сұлтаным, сізге бас қосып,
Кеңейіп еді өрісім.
Алтыннан соққан көп ісім.
Сегіз ұрмақ пейішім,
Қауыз, кәусар суындай
Бештен шыққан жемісім.
Арыстаным, аман бол
(Кобланды батыр, 96)

И теперь повелителю своему Кобланды
Говорит красавица Куртка:
«Негнушееся серебро мое,
Бог, соединенный со мной, вершина моя,
Радость моя, улыбка моя,
Мой повелитель, когда соединилась с тобой,
Стал мне мир просторней и светлей.
Ты – весь рай для меня,
Ты – вода из источника Каус-Каусар,
Из райского сада плод.
Лев мой, будь здоров!
(Кобыланды батыр, 256)

Для лингвокогнитивной характеристики образа Кобланды релевантны эпитеты, сравнения, метафоры, содержащиеся перед его походом на врага:

Ақ мандайда, тұлылым,
Бірге туған қулыным,
Керекке біткен тірегім,
Бірге туған бауырым,
Қос канатым, құйрығым,
Судан шыққан сүйірігім,
Суырылып озған жүйрігім...
Қозыбай Қобылан егізім,

О конь мой, рождённый со мною,
В белой попоне сверкающий,
Ты, опора в годину невзгод,
Брат единокровный, со мной рождённый.
Ты – два моих крыла, мой хвост,
Ты, из воды вышедший, стройный,
Ты, стрелой летящий, мой резвый...
Козыбай, мой Коблан,

Бірге туып, бірге өскен,
Кіндігімді бір кескен,
Қарға жүнді қаттасым,
Уйрек жүнді оттасым,
Бірге туған тектесім
Қысылған жерде түптесім...
(Қобланды батыр, 96)

Со мной рождённый, со мной взращённый,
Чью пуповину я перерезал,
Чья грива – как стая воронья,
Чья шерсть – как пламя пылает,
Родной мой, единственный,
В битве опора, в схватке надёжный!..
(Кобыланды батыр, 258)

Ряд тропов отражает образы окружающей природы, перенесенные на богатыря: он – птица, летающая высоко; он – взлетевший с озера гусь; белый корень камыша в воде, он – глиняный берег, куда летом летит белый гусь (т.е.) надежная опора рода и родителей). В особую группу можно выделить образы, в которых отразились народные религиозные представления: для отца и матери их единственный сын и самый дорогой сын – это светильник (шырак), зажигаемый на святой могиле предка, чудесный и осененный молитвами, тот, над кем справа возшла звезда, т.е. благословенный (образ, отразивший древние космогонические представления).

К богатырю широко применяются эпитеты, выражающие его сущность: Кобланды – благородный, единственный, лучший из всех рожденных, свет очей (для матери и отца); владыка народа – сокол; отважный, повелитель, желанный (в словах жены), справедливый повелитель, твердокаменный, родившийся батыром.

В характеристике богатыря используются сравнения, имеющие традиционный для тюркского эпоса характер. Так, богатырь, «как могучий великан», он «скачет, истребляет врагов, словно волк овец», перед битвой он «взревел, словно нар»; враги разбежались от богатыря, как куланы, на которых напал тигр (Кобланды батыр, 35).

Эпические эпитеты и сравнения являются не только стилистическими средствами создания образа эпических героев, но в лингвокогнитивной интерпретации выступают в роли важных лексико-семантических (речевых) средств языковой концептуализации человека (персонажей эпоса) в текстах эпического фольклорного произведения. Как отметил академик А.Кайдар: «Для создания художественного образа батыра в эпосах употребляются самые разнообразные эпитеты и сравнения. Но наибольшая часть этих эпитетов и сравнений связана с животным миром, т.е. с названиями (крупных, крепких, выносливых, диких, хищных) зверей и птиц» (Кайдар, 1998: 40).

К таким эстетическим, но и в то же время лингвокогнитивным средствам, участвующим в языковой концептуализации и вербальной реализации эпических антропонимических концептов, могут быть отнесены эпитеты и развернутые сравнения, рисующие образ эпического батыра: бөрі, сұңқар (ақсұңқар), Қобылан, тұлпар, шер, арыстан, арслан, көкжал, тарлан, қыран бүркіт, сайып қыран, тас түлек, серке, бағлан, нар (қара нар), нар түйе, шандоз, қарақұстан туған балапан, жылқыдан шыққан тұлпар, и др.

5. Заключение

Таким образом, использование антропонимических концептов в анализе героических эпосов позволяет не только раскрыть семантику имен, но и понять их

роль в формировании культурной и социальной идентичности. Антропонимические концепты, как ментальные структуры, отражают не только индивидуальные характеристики персонажей, но и общие культурные и мифологические представления, что делает их важным инструментом для изучения героических эпосов в контексте лингвокультурологии. Приведенные выше и множество других эпитетов, определений, метафор, употребленных в речевой синтагматике эпического собственного имени, образуют ближайший контекст когнитивно-лингвистического ядра – эпического антропонима и способствуют формированию, накоплению и конденсации текстового семантического объема антропонимического концепта.

Дальнейшее развитие методологии и методов изучения имен собственных в тексте будет способствовать более глубокому пониманию роли ономастической лексики в формировании текстового пространства, ее функций в различных типах дискурса, а также механизмов взаимодействия языка, текста и культуры.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – Москва: Academia, 2002. – 394 с.
2. Ананьина М.А. Прагматический аспект функционирования аллюзивного антропонима в художественном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2024. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 5–16. – DOI: <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2024-4-5-16>. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatichesky-aspekt-funktsionirovaniya-allyuzivnogo-antropnima-v-hudozhestvennom-tekste>
3. Анчек С.Х. Эмоциональные дискурсообразующие концепты в адыгском нартском эпосе // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2023. – Т. 3. – № 31. – С. 5–13. – DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2023-3-5-13>. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-diskursoobrazuyuschie-kontsepty-v-adygskom-nartskom-epose>.
4. Бактыбаева А.Л. К проблеме символа-концепта (сокол-сұңқар в традиции русского и казахского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 1998.
5. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – Москва, 1993. – 525 с.
6. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. – Ленинград: Наука, 1974. – 724 с.
7. Золотарев М.В., Привалова, И. В. Развитие когнитивного потенциала прецедентного антропонима // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 159–170. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.14>. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kognitivnogo-potentsiala-pretседentnogo-antropnima>.
8. Зуев Ю.А. Сармато-аланы Приаралья. Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XЖ вв.): Проблемы генезиса и трансформации. – Алматы, 1995.
9. Кайдар А. Казак тілінің өзекті маселелері: Актуальные вопросы казахского языка. – Алматы: Ана тілі, 1998. – 304 с.
10. Кидайш-Покровская Н.В., Нурмагамбетова О.А. Героическая поэма «Кобланды батыр». Кобланды батыр. Казахский героический эпос. – Москва: Главная редакция восточной литературы, 1975. – С. 9–61.
11. Кобланды батыр. Казахский героический эпос. – Москва : Наука, 1975. – 444 с.
12. Кондыбай С. Казахская мифология: Краткий словарь. – Алматы: Нурлы Алем, 2005. – 272 с.
13. Коныратбай Т. Этнический характер казахского эпоса «Кобланды батыр» // Эпосоведение, 2023. – №1. – 61–71. DOI: <https://doi.org/10.25587/svfu.2023.46.85>.
14. Махпиров В.У. Имена далеких предков: Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики. – Алматы: Ин-т востоковедения МН-АН РК, 1997. – 302 с.

15. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : монография. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2011.
16. Николаев Е.Р. Якутские личные имена (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Якутск, 2018.
17. Стеблева И.В. Поэзия тюрков VI–VIII веков. – Москва, 1965.
18. Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: учеб. пособие. – Ленинград: ЛГУ, 1990.
19. Щербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 10. – С. 169–175. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tipy-onomasticheskikh-kontseptov-na-materiale-regionalnoy-kontseptosfery>.
20. Щербак, А.С. Способы репрезентации антропонимического концепта // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. 17. – С. 459–463.
21. Ыбыраев Ш. Эпос әлемі. Қазақтың батырлық жырларының поэтикасы. – Алматы: Ғылым. – 296 б.
22. Эркенова А.Н. Антропонимический концепт как способ персонификации доминантных культурно-специфических феноменов. ББК 81.411.2я43 Д 48. – 2024. – С. 334.
23. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43–73.
24. Dundes A. (1997). The hero pattern and the life of Jesus. In A. Dundes (Ed.), The flood myth University of California Press, pp. 179–223 (in English)
25. Foley J.M. (2012). Oral tradition and the Internet: Pathways of the mind. University of Illinois Press (in English)
26. Hatto A.T. (1990). The Manas of Kirghiz. Traditions of heroic and epic poetry. Vol. 2 / ed. by A. T. Hatto. Modern Humanities Research Association, pp. 275–318 (in Eng)
27. Yunusova G.X. (2021). Functioning of proper names in the English literary text. Traektoriya Nauki, No. 5, pp. 3006–3011. – DOI:<http://dx.doi.org/10.22178/pos.70-3>. – Режим доступа: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/938/943> (in Eng)

References:

1. Alefirenko N.F. (2002). Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kultury [Poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness, and culture]. Academia (In Russ)
2. Anan'ina M.A. (2024). Pragmaticheskiy aspekt funktsionirovaniya allyuzivnogo antroponima v khudozhestvennom tekste [Pragmatic aspect of the functioning of allusive anthroponyms in literary texts]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya, 16(4), pp.5–16. DOI: <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2024-4-5-16>. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskiy-aspekt-funktsionirovaniya-allyuzivnogo-antropnima-v-hudozhestvennom-tekste> (In Russ)
3. Anchek S.Kh. (2023). Emotsional'nye diskursoobrazuyushchie kontsepty v adygeiskom nartskom epose [Emotional discourse-forming concepts in the Adyghe Nart epic]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie, 3(31), pp. 5–13 DOI: <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2023-3-5-13>. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-diskursoobrazuyushchie-kontsepty-v-adygskom-nartskom-epose> (In Russ)
4. Baktybaeva A.L. (1998). K probleme simvola-kontsepta (sokol-sungqar v traditsii russkogo i kazakhskogo fol'klora) [On the problem of the symbol-concept (falcon-sungqar in the tradition of Russian and Kazakh folklore)] (Doctoral dissertation abstract). Almaty (In Russ)
5. Dundes A. (1997). The hero pattern and the life of Jesus. In A. Dundes (Ed.), The flood myth University of California Press, pp. 179–223.
6. Foley J.M. (2012). Oral tradition and the Internet: Pathways of the mind. University of Illinois Press.
7. Fonyakova O.I. (1990). Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste: Uchebnoe posobie [Proper names in literary texts: A textbook]. Leningrad: LGU (In Russ)
8. Goryaev S.O. (1999). Nominativnye intentsii sub'ekta onomasticheskoi nominatsii (na materiale russkikh pragmonimov) [Nominative intentions of the subject of onomastic nomination (based on Russian pragmonyms)]. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet (In Russ)

9. Gumilyov L.N. (1993). Drevnie tyurki [Ancient Turks] (In Russ)
10. Hatto A.T. (1990). The Manas of Kirghiz. In A. T. Hatto (Ed.). Traditions of heroic and epic poetry. Vol. 2, pp. 275–318.
11. Kaidar A. (1998). Qazaq tiliniń ózekti máseleleri: Aktual'nye voprosy kazakhskogo yazyka [Relevant issues of the Kazakh language] (in Kazakh).
12. Kidaish-Pokrovskaya, N.V., Nurmagambetova, O.A. Geroicheskaia poema «Koblandy batyr» [Heroic Poem «Koblandy Batyr»]. Koblandy batyr. Kazakhskii geroicheskii epos [Koblandy Batyr. Kazakh Heroic Epic]. Moskva: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1975. pp. 9–61 (In Russ)
13. Koblandy batyr. Kazakhskii geroicheskii epos [Koblandy Batyr. Kazakh Heroic Epic]. Moskva: Nauka. – 444 p. (In Russ)
14. Kondybay S. (2005). Kazakhskaya mifologiya: Kratkiy slovar' [Kazakh mythology: A brief dictionary]. Izdatel'stvo "Nurly Alem" (In Russ)
15. Konyratbay, T. A. (2023). Etnicheskij harakter kazakhskogo eposa Koblandy Batyr [The ethnic character of the Kazakh epic Koblandy Batyr]. Eposovedenie. 1(29).pp 61–71. DOI:<https://doi.org/10.25587/svfu.2023.46.85>.
16. Makhpirov V.U. (1997). Imena dalekikh predkov: Istochniki formirovaniya i osobennosti funktsionirovaniya drevnetyurkskoy onomastiki [Names of distant ancestors: Sources of formation and features of functioning of ancient Turkic onomastics]. Institut vostokovedeniya MN-AN RK. (In Russ)
17. Nakhimova E.A. (2011). Pretsedentnye onimy v sovremennoi rossiiskoi massovoi kommunikatsii: teoriya i metodika kognitivno-diskursivnogo issledovaniya [Precedent onyms in modern Russian mass communication: theory and methodology of cognitive-discursive research]. Yekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet (In Russ)
18. Nikolaev E.R. (2018). Yakutskie lichnye imena (lingvokul'turologicheskii aspekt) [Yakut personal names (linguocultural aspect)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.02 – Yazyki narodov Rossiiskoi Federatsii (yakutskii yazyk). Yakutsk: Institut gumanitarnykh issledovaniy i problem malochislennykh narodov Severa Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk (In Russ)
19. Shcherbak A.S. (2009). Osnovnye tipy onomasticheskikh kontseptov (na materiale regional'noi kontseptosfery) [Main types of onomastic concepts (based on the regional conceptosphere)]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 10, pp. 169–175 Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tipy-onomasticheskikh-kontseptov-na-materiale-regionalnoy-kontseptosfery> (In Russ)
20. Shcherbak A.S. (2014). Sposoby reprezentatsii antroponimicheskogo kontsepta [Ways of representing anthroponymic concepts]. Kognitivnye issledovaniya yazyka, 17, pp. 459–463. (In Russ)
21. Stebleva I.V. (1965). Poeziya tyurkov VI–VIII vekov [Poetry of the Turks of the 6th–8th centuries]. (In Russ)
22. Yakovleva E.S. (1998). O ponyatii «kul'turnaya pamyat'» v primeneni k semantike slova [On the concept of “cultural memory” in relation to word semantics]. Voprosy yazykoznaniya, (3), pp. 43–73 (In Russ)
23. Ybyraev Sh.(1993). Epos alemi. Qazaqtyń batyrlyq zhyrlarynyń poetikasy. [The World of the Epic. The Poetics of Kazakh Heroic Songs]. Almaty: Gylym, 296 p. (in Kazakh).
28. Yunusova G.X. (2021). Functioning of proper names in the English literary text. Traektoriya Nauki, (5), pp. 3006–3011. DOI:<http://dx.doi.org/10.22178/pos.70-3>. Access mode: <https://pathofscience.org/index.php/ps/article/view/938/943> (in Eng)
24. Zhirmunsky V.M. (1974). Tyurkskiy geroicheskii epos. Izbrannye trudy [Turkic heroic epos. Selected works]. Nauka (In Russ)
25. Zolotarev M.V., & Privalova, I. V. (2020). Razvitie kognitivnogo potentsiala pretsedentnogo antroponima [Development of the cognitive potential of precedent anthroponyms]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye, 19(2), pp. 159–170. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.14>. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kognitivnogo-potentsiala-pretседentnogo-antroponima>. (In Russ)
26. Zuev Yu. A. (1995). Sarmato-Alany Priaral'ya [Sarmatian-Alans of the Aral region]. In Kultura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX–XX, XX–XXI vv.): Problemy genezisa i transformatsii [Culture of nomads at the turn of centuries (19th–20th, 20th–21st centuries): Problems of genesis and transformation]. Almaty (In Russ)